XXIII,4г
В-187

О воспитательном
значении произведений
Пушкина

ДВГУ

1899

ЭР03255

ДВГНБ

ЭР03255

Библіотека
Царскосельскаго высшаго начальнаго
училища.
Отд. III. № инвентаря 224
№ сист. кат. 114
1913 г.

1985

инв. 170.

ДВГНБ

ЭР03255

ЭР03255

ДВГНБ

Рф XXIII, 4г
В-187

О ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ЗНАЧЕНІИ

ПРОИЗВЕДЕНІЙ

ПУШКИНА.

Рѣчь, произнесенная инспекторомъ научныхъ классовъ Придворной Капеллы П. И. Варыпаевымъ 26-го мая 1899 года въ Англійскомъ дворцѣ, въ г. Петергофѣ, на литературно-музыкальномъ утрѣ, устроенномъ Капеллою въ честь исполнившагося въ этотъ день столѣтія со дня рожденія Александра Сергѣевича Пушкина.

216481
ОН
ДВГНБ
Д-В. Краевая Научная БИБЛИОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1899.

ДВ государственная научная библиотека
ЭР03255

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 октября 1899 г.

ДВГНБ

Просмотрено
1940 г.

ЭР03255

О воспитательномъ значеніи произведеній Пушкина.

Рѣчь, произнесенная инспекторомъ научныхъ классовъ Придворной Капеллы П. И. Варыпаевымъ 26-го мая 1899 г. въ Англійскомъ дворцѣ, въ г. Петергофѣ, на литературно-музыкальномъ утрѣ, устроенномъ Капеллою въ честь исполнившагося въ этотъ день столѣтія со дня рожденія Александра Сергѣевича Пушкина.

Всероссійское чествованіе памяти Пушкина воочію показываетъ, какъ относится къ поэту русское общество: оно признательно ему, оно любитъ его.

Но не всегда мы любимъ то, что достойно любви. Развитой человѣкъ не удовлетворяется непосредственнымъ чувствомъ любви. Онъ старается уяснить себѣ достоинства любимаго имъ предмета. Мнѣ мало сказать: «*люблю*». Я хочу сказать «*я люблю и горжусь* предметомъ моей любви, горжусь моею любовью». А для того, чтобы имѣть право сказать эти послѣднія слова, я долженъ точно опредѣлить тѣ отличительныя свойства любимаго предмета, которыя пробудили во мнѣ чувство любви...

ДВГНБ

ЭР03255

Въ 1880 году, при открытіи въ Москвѣ памятника Пушкину, одинъ изъ лучшихъ его учениковъ (если не самый лучшій), нашъ великій писатель Тургеневъ подслушалъ въ толпѣ такой разговоръ. «Кому этотъ памятникъ?» спрашиваетъ одинъ простолюдинъ. «Это памятникъ учителю», отвѣчаетъ другой. Безсознательно лепетавшія уста сказали великую истину. Да, Пушкинъ—нашъ великій, вдохновенный учитель; въ его сочиненіяхъ оставлены полезнѣйшіе уроки,— и мы обязаны внимать имъ, какъ драгоцѣнному завѣту.

Чему же намъ слѣдуетъ учиться у Пушкина? Читая его произведенія и вдумываясь въ ихъ внутренній смыслъ, мы обязаны вырабатывать въ себѣ должныя или добрыя отношенія къ Богу, къ людямъ и ко всему міру. Однимъ словомъ, мы обязаны учиться у него основнымъ принципамъ жизни.

Жить не легко. «Жизнь не шутка, говоритъ Тургеневъ, и не забава, жизнь даже не наслажденіе... жизнь тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное — вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка; неисполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы они возвышенны ни были,—исполненіе долга—вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку» *).

«Но сознаніе долга само по себѣ еще не даетъ силы его исполнить. Человѣкъ сознаетъ, что въ немъ есть нѣчто высшее въ сравненіи съ остальною природой и что онъ долженъ жить не такъ, какъ живутъ животныя». «Но создать начало но-

*) См. конецъ повѣсти Тургенева «Фаустъ».

ЭР03255

вой лучшей жизни своими личными силами изъ ничего—человѣкъ не можетъ, онъ долженъ *получить* эту новую жизнь». И онъ можетъ получить ее только отъ Того, Кто выше и лучше міра.

«Итакъ, мы должны обратиться къ Богу, должны отдать Ему свою волю, принести Ему духовную жертву,—должны молиться Ему. Кто не молится, т. е. не соединяетъ своей воли съ высшею волей, тотъ или не вѣритъ въ эту высшую волю, не вѣритъ въ добро, или считаетъ себя самого полновластнымъ обладателемъ добра, свою волю считаетъ совершенной и всемогущей.

Не вѣрить въ добро есть нравственная смерть, вѣрить въ себя самого, какъ источникъ добра есть безуміе. Вѣрить въ Божественный источникъ добра и молиться Ему, отдавая Ему свою волю во всемъ, — есть истинная мудрость и начало нравственнаго совершенства» *).

Эту истинную мудрость и начало нравственнаго совершенства мы находимъ въ Пушкинѣ. Онъ придавалъ высокое значеніе вѣрѣ въ Бога, онъ крѣпко держался вѣры. Онъ съ умиленіемъ преклонялся предъ Всевышнимъ. Вездѣ, гдѣ онъ касался религіи, онъ былъ глубоко набожнымъ человѣкомъ **). Друзья поэта свидѣтельствуютъ, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ находилъ неистощимое наслажденіе въ чтеніи Евангелія, и многія молитвы, казавшіяся ему наиболѣе исполненными высокой поэзіи, заучивалъ наизусть.

---

*) См. «Духовныя основы жизни» Влад. Соловьева, стр. 19 и далѣе 24 и 25.

**) Въ юности, правда, Пушкинъ отдалъ долгъ либеральному направленію вѣка, но грѣхи эти вполнѣ были искуплены въ послѣдній періодъ жизни поэта.

ЭР03255

«Есть книга, пишетъ самъ Пушкинъ, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единаго выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется *Евангеліемъ*— и такова ея вѣчная новая прелесть, что, если мы, пресыщенные міромъ или удрученные унынiемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе»! Приведенныхъ строкъ было бы достаточно для того, чтобы судить о степени личной религіозности Пушкина. Но эта религіозность ясно выступаетъ наружу и во многихъ его поэтическихъ произведеніяхъ.

Въ трагедіи «Борисъ Годуновъ», въ разсказѣ о чудѣ Св. Димитрія Царевича поэтъ умиляетъ насъ своимъ благоговѣйнымъ сочувствіемъ силѣ вѣры нашего народа, самъ раздѣляетъ эту вѣру слѣпого пастуха въ благодатную исцѣляющую силу, ибо такихъ мыслей, чувствъ и словъ, съ какими повѣдано поэтомъ совершившееся въ Угличѣ чудо, не нашлось бы въ маловѣрующемъ, равнодушномъ или сомнѣвающемся сердцѣ.

При описаніи дворца татарскаго князя въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» Пушкинъ рисуетъ такую картину:

И мнится, въ томъ уединеньѣ
Сокрылся нѣкто неземной...
Тамъ день и ночь горитъ лампада

ЭР03255

Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой—
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ.

Такая святыня приводитъ въ изумленіе одну изъ плѣнницъ хана.

Вошла, взираетъ съ изумленьемъ...
И тайный страхъ въ нее проникъ.
Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
И крестъ, любви символъ священный.

Въ «Полтавѣ» глубокимъ чувствомъ христіанскаго умиленія проникнутъ весь разсказъ о предсмертныхъ страданіяхъ Кочубея. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого разсказа:

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и пробужденъ,
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ Распятаго Христа;
Его Святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!
И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.

Можно бы было весьма долго читать отрывки изъ произведеній Пушкина, свидѣтельствующіе о глубокой вѣрѣ поэта. Я позволю себѣ прочитать еще одно только стихотвореніе, въ кото-

ЭР03255

ромъ особенно сказалась религіозность Пушкина. Стихотвореніе это написано имъ за полгода до его смерти.

«Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ.
Но не одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

Воздавая Божіе Богу, Пушкинъ въ то же время Кесарю воздавалъ Кесарево. Пушкинъ былъ горячимъ патріотомъ. Онъ беззавѣтно былъ преданъ царю и отечеству. И это чувство преданности было не безсознательно. Пушкинъ имѣлъ совершенно опредѣленное представленіе о томъ, что такое русскій народъ и что такое въ Россіи царская власть. Пушкинъ угадалъ предназначеніе своей страны родной, понялъ, что «это предназначеніе она можетъ выполнить, только оставаясь сама собою, только слѣдуя тѣмъ путемъ, который предначертанъ ея предыдущей исторіею, развивая тѣ начала, которыя заложены въ духѣ народа и выразились въ его бытѣ, воззрѣніяхъ и

ЭР03255

убѣжденіяхъ» *). Потому-то Пушкинъ былъ ярымъ противникомъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ. «Молодой человѣкъ, пишетъ онъ, если мои записки попадутъ въ твои руки, вспомни, что лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній».

Отсюда опредѣляется и идея гражданскаго долга. «Долгъ налагается не служебными обязанностями, онъ настигаетъ человѣка, имъ вовсе не причастнаго, потому что никто не стоитъ внѣ общества, внѣ народа. Тамъ, гдѣ человѣкъ не подчиненъ внѣшнимъ обязанностямъ, онѣ проистекаютъ изъ самаго факта его рожденія, его принадлежности къ своему народу. Вотъ почему для Пушкина имѣло такой высокій и важный интересъ опредѣленіе значенія дворянства въ Россіи. Не на крѣпостномъ правѣ, не на служебныхъ отличіяхъ, но на искреннемъ, свободномъ, преданномъ, неподкупномъ служеніи основывалъ онъ это значеніе. Онъ не въ шутку гордился своимъ шестисотлѣтнимъ дворянствомъ. Въ своей родословной онъ видѣлъ, такъ сказать, тѣ корни, которыми онъ врасталъ въ самую глубь народной жизни. Онъ не хотѣлъ быть ничтожнымъ потомкомъ славныхъ предковъ, но изъ ихъ примѣра выводилъ себѣ образецъ и урокъ честнаго служенія отечеству **).

Пушкинъ умѣлъ постигать мощь русскаго духа и воплощать эту мощь въ своихъ чудныхъ стихахъ, въ чемъ бы она ни выражалась, въ ве-

---

*) См. «Идеалы Пушкина», акт. рѣчь В. И. Никольскаго, стр. 66.
**) См. тамъ же стр. 69—70.

ЭР03255

ликихъ ли народныхъ событіяхъ, въ трудахъ ли смиреннаго инока.

Глубокій смыслъ Полтавскихъ торжествъ воплощенъ нашимъ поэтомъ въ образѣ Царя Петра.

И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.

Но не потому взоръ его гордъ и ясенъ и полонъ славы, что «непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ свой показали и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута», но потому, что здѣсь Петръ завоевалъ гражданство своей державы.

Въ гражданствѣ сѣверной державы
Въ ея воинственной судьбѣ
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.

Чуденъ образъ русскаго вѣнценосца въ поэмѣ «Полтава», но не менѣе чуденъ типъ русскаго инока-лѣтописца въ «Борисѣ Годуновѣ». «Объ этомъ типѣ, говоритъ Достоевскій, можно было бы написать цѣлую книгу, чтобы указать всю важность и все значеніе для насъ этого величаваго русскаго образа, отысканнаго Пушкинымъ въ русской землѣ, имъ выведеннаго, имъ изваяннаго и поставленнаго предъ нами теперь уже навѣки въ безспорной, смиренной и величавой красотѣ своей, какъ свидѣтельство того мощнаго духа народной жизни, который можетъ выдѣлять изъ себя образы такой неоспоримой правды».

Представленіе о Россіи неразрывно связано съ самодержавіемъ. Весьма интересно сужденіе Пуш-

ЭР03255

кина о самодержавной власти. Это сужденіе приводитъ намъ Гоголь, который, какъ извѣстно, былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ. «Зачѣмъ нужно, говорилъ онъ, чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже самого закона?—Затѣмъ, что законъ—дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жесткое и небратское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона далеко не уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ: для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти».

Итакъ, русскій царь, по воззрѣнію Пушкина, есть олицетворенная правда и милость. Такъ же смотритъ на царя и любой изъ его подданныхъ. Земскій судъ можетъ творить насиліе и неправду. Такъ же могутъ поступать и высшія судебныя власти. Но Царь-Батюшка (или Царица-Матушка), если все узнаетъ, въ обиду не дастъ. Вотъ какъ разсуждаетъ Капитанская Дочка, когда ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы ходатайствовать за Гринева. Вотъ какъ разсуждаетъ и нянька Дубровскаго, когда пишетъ молодому барину свое наивное письмо. «Слышно, пишетъ она, земскій судъ къ намъ ѣдетъ отдать насъ подъ началъ Кириллу Петровичу Троекурову, потому что мы, дескать, ихніе, а мы искони ваши, и отъ роду того не слыхивали. Ты бы могъ, живя въ Петербургѣ, доложить о томъ Царю-Батюшкѣ, а онъ бы не далъ насъ въ обиду».

Если бы мы захотѣли въ немногихъ словахъ очертить Пушкинскій идеалъ политическаго устройства Россіи, то должны бы были сказать

ЭР03255

такъ: свободная преданность долгу внизу, правосудное, но милосердное могущество наверху.

Пушкинъ искренно любилъ все русское и старательно изучалъ все родное. Онъ любилъ русскую природу, любилъ русскихъ людей, начиная отъ царя и кончая послѣднимъ изъ его подданныхъ, любилъ русскую исторію. И изучая все это, онъ не пренебрегалъ ничѣмъ, что имѣло отношеніе къ нашему отечеству. Онъ не только самъ понималъ и любилъ все русское, но и соотечественникамъ своимъ сумѣлъ открыть многое, чего они и не подозрѣвали. Въ этомъ его огромная заслуга.

Пушкинъ! Ты въ своихъ твореньяхъ
Первый намъ самимъ открылъ,
Что таится въ духѣ русскомъ
Глубины и свѣжихъ силъ.

Эти стихи принадлежатъ Майкову. Другой поэтъ (Полонскій) сказалъ такъ:

Ничего не презирая,
Въ дымныхъ избахъ изучая
Духъ и складъ родной страны,
Чуя русской жизни трепетъ,
Пушкинъ—правды первый лепетъ,
Первый проблескъ старины.

Искренно любя все русское, Пушкинъ не былъ приверженцемъ того направленія, которое извѣстно подъ именемъ «квасного» патріотизма. «Квасной» патріотизмъ проявляется въ видѣ грубыхъ, слѣпыхъ пристрастій къ своему, въ видѣ закоснѣлости въ привычкахъ и нравахъ. Люди этого направленія, хвастаясь всѣмъ своимъ безъ разбора, пренебрежительно относятся ко всему иноземному. Пушкинъ отличался чуткой и возвышен-

ЭР03255

ной преданностью лучшимъ началамъ своего народа, но слѣпого пристрастія въ немъ не было. Пушкинъ былъ ярымъ поклонникомъ того царя, котораго онъ воспѣлъ въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ, того царя, который властною рукою навсегда разбилъ нашу національную исключительность. Петръ Великій всю жизнь искалъ сближенія съ иностранцами, оставаясь всецѣло русскимъ. Такъ и Пушкинъ, не переставая ни на минуту быть истинно русскимъ человѣкомъ, обладалъ особымъ даромъ «перевоплощаться» *) во всѣ чужіе геніи. «Петръ Великій и Пушкинъ— достаточно этихъ двухъ именъ, чтобы признать, что нашъ національный духъ осуществляетъ свое достоинство лишь въ открытомъ общеніи со всѣмъ человѣчествомъ, а не въ отчужденіи отъ него» **).

Какъ ни цѣнно въ человѣкѣ его религіозное чувство, какъ ни цѣнно въ немъ правильное пониманіе гражданскаго долга, но не менѣе заслуживаетъ вниманія пониманіе долга семейнаго. Будущіе граждане рождаются и получаютъ свое первоначальное воспитаніе въ семьѣ. Сѣменемъ, изъ котораго возникаетъ семья, является любовь между мужчиной и женщиной. И такой или иной складъ семейной жизни зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ взгляда на женщину. Въ установленіи правильныхъ воззрѣній на любовь и женщину заслуги Пушкина неизмѣримы.

*) Это выраженіе принадлежитъ Достоевскому.

**) См. «Оправданіе добра» Влад. Соловьева, стр. 369.

ДВГНБ

ЭР03255

«Любовь, вѣчный предметъ поэтическихъ пѣсенъ, есть чувство сложное, обнимающее всѣ стороны человѣческой природы и потому способное подниматься до духовной высоты и спускаться до скотской грязи. Въ Пушкинѣ это чувство имѣетъ такую глубину, серьезность и чистоту, какъ ни въ какомъ другомъ поэтѣ. У насъ въ Россіи онъ первый поставилъ женщину на ея мѣсто, первый заговорилъ о любви безъ шутливой веселости, безъ фальшивой восторженности, безъ грубой чувственности, заговорилъ, какъ о существенномъ дѣлѣ человѣческой жизни. Свой идеалъ женщины онъ воплотилъ въ Татьянѣ и заставилъ Онѣгина преклониться передъ нею съ уваженіемъ и раскаяніемъ.

Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ изнывать,
Блѣднѣть и гаснуть—вотъ блаженство!

Вотъ выраженіе страсти со всею ея силою и безъ всякаго преувеличенія, вотъ любовь, наполняющая тѣло и душу и потому соединяющая пламенное влеченіе съ уваженіемъ, даже страхомъ. Въ такой любви не теряются между мужчиной и женщиной чисто человѣческія отношенія, а, напротивъ, достигаютъ особенно тонкаго и яснаго развитія» *).

*) См. «Замѣтки о Пушкинѣ», Н. Страхова. 69.

ЭР03255

Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ,
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

Вмѣстѣ съ воззрѣніемъ Пушкина на любовь и женщину мы находимъ въ его произведеніяхъ и взглядъ поэта на тѣ обязанности, которыя налагаются на насъ брачными узами.

Бракъ бываетъ иногда страннымъ, случайнымъ, но и при такихъ условіяхъ онъ все-таки святъ и обязателенъ. Вспомните Татьяну въ то время, когда она уже замужемъ. «Что ставитъ ее неизмѣримо выше всего окружающаго міра, что даетъ ей эту власть надъ нимъ? Ея спокойное достоинство, основанное именно на этомъ непоколебимомъ чувствѣ долга, ея свобода отъ всякой тревоги и мелочныхъ страстей» *).

Я другому отдана:
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

«Сердце Татьяны не участвовало въ выборѣ супруга: ей были всѣ жребіи равны. Ее отдали замужъ. Но, разъ принявши на себя обязательство, Татьяна свято его сбережетъ. Она ничьей, ни даже собственныхъ страстей игрушкою не станетъ. Личное счастье было когда-то возможно, но оно не возвратится, — и не все-же быть ребенкомъ: надо взглянуть на жизнь открытыми глазами и найти въ ней другое содержаніе, поважнѣй Онѣгинской запоздалой страсти. Татьяна научилась уважать свое нравственное достоинство и въ немъ нашла замѣну утраченнаго счастья» **). «Татьяна развилась до той свободы, гдѣ чело-

*) См. «Идеалы Пушкина», Никольскаго, стр. 53.
**) Тамъ-же, стр. 53.

ЭР03255

вѣкъ становится господиномъ своихъ душевныхъ движеній и гдѣ невозможно паденіе, потому что невозможно рабство страстямъ.

Въ чемъ-же тайна этой силы и этого величія Татьяны? Татьяна просто уважала святость брачнаго союза, какъ уважалъ его самъ Пушкинъ»*).

Та-же идея святости брака проводится поэтомъ и въ другихъ его произведеніяхъ, какъ въ «Дубровскомъ», въ «Метели».

Прежде чѣмъ отдавать себя другимъ, прежде чѣмъ посвящать себя исполненію долга гражданскаго и семейнаго, человѣкъ долженъ обрѣсти самого себя, долженъ выработать опредѣленное самосознаніе, долженъ воспитать себя въ этомъ смыслѣ **).

Это есть первая обязанность человѣка по отношенію къ самому себѣ.

Пушкинъ признавалъ одно воспитаніе, «которое дается человѣку обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. Другого воспитанія,—говорилъ онъ, — нѣтъ для существа, одареннаго душою». Воспитаніе, которое давалъ Пушкинъ самому себѣ, состояло въ *упорномъ* и *неустанномъ* трудѣ. Трудъ самообразованія, которымъ Пушкинъ старался вознаградить недостатки своего, какъ онъ выражался, «проклятаго» воспитанія, достоинъ удивленія. Письма Пушкина постоянно заключаютъ въ себѣ требованія книгъ и книгъ.

*) Тамъ-же, стр. 54.

**) По этому вопросу есть прекрасная статья Метерлинка «Эгоизмъ». Статья эта переведена З. Вороновой и помѣщена въ одной изъ первыхъ книжекъ журнала «Жизнь» за текущій 1899 годъ.

ЭР03255

«Его чтеніе постоянно сопровождалось выписками, сличеніями, критическими замѣчаніями, такъ что и чтеніе было у него трудомъ въ собственномъ и серьезномъ значеніи этого слова. Такъ-же неустанно вдумывался Пушкинъ во всѣ явленія и собственной, и окружающей его жизни, уразумѣвалъ ихъ смыслъ и выводилъ изъ нихъ поученія. Оттого событія жизни имѣли для него дѣйствительно воспитывающее значеніе» *).

Выработавъ въ себѣ ясное и увѣренное самосознаніе и проникшись извѣстными идеалами, Пушкинъ поставилъ для своей дѣятельности опредѣленныя цѣли, къ осуществленію которыхъ и стремился всю свою жизнь. Его работа надъ своими произведеніями, не смотря на кажущуюся легкость и свободу формы, была, тѣмъ не менѣе, въ высшей степени упорна. Черновыя рукописи достаточно объ этомъ свидѣтельствуютъ. Только силой труда Пушкинъ могъ обуздать свое своенравное дарованіе и подчинить его своимъ идеаламъ.

2/54 81

Въ общихъ чертахъ я сказалъ все то, что намѣревался сказать сегодня о Пушкинѣ. Но для васъ, питомцы Капеллы, я долженъ сдѣлать еще одно небольшое замѣчаніе.

Вы посвятили свою жизнь музыкѣ, и потому Пушкинъ долженъ быть для васъ особенно дорогъ. Поэтическія произведенія этого великаго русскаго поэта служатъ неистощимою сокровищницею, изъ которой наши композиторы по-

*) Никольскій. «Идеалы Пушкина», стр. 64.

ДВГНБ
Д-В. Краевая Научная БИБЛИОТЕКА
ЭР03255

черпали и почерпаютъ предметы для своего музыкальнаго вдохновенія. Вспомнимъ «Руслана и Людмилу» Глинки, «Русалку» Даргомыжскаго, «Бориса Годунова» Мусоргскаго, «Евгенія Онѣгина» Чайковскаго. И новѣйшіе современные композиторы: Кюи, Направникъ, Балакиревъ, Римскій-Корсаковъ, Аренскій, Глазуновъ не перестаютъ писать на темы, взятыя изъ сочиненій безсмертнаго Пушкина. И этому можно только радоваться. У древнихъ народовъ законы были положены на музыку, чтобы лучше удержать ихъ въ памяти. Пусть же и высокіе мотивы поэзіи Пушкина возможно болѣе иллюстрируются музыкой нашихъ лучшихъ композиторовъ, дабы тѣмъ сильнѣе запечатлѣваться въ насъ, на пользу нашего нравственнаго совершенства! *).

Въ своихъ дивныхъ поэтическихъ глаголахъ Пушкинъ высказалъ завѣтныя вѣрованія русскаго народа. Онъ честно и нелицемѣрно принесъ на служеніе родинѣ свой талантъ, свои силы, свой трудъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Всегда правдивый и независимый, онъ имѣлъ право сказать о своихъ стихахъ:

И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

*) Мысль эта взята изъ брошюрки Л. М. Шурыгиной «А. С. Пушкинъ въ области музыки».

ДВГНБ

ЭР03255

Вотъ почему и русскій народъ находилъ и всегда будетъ находить въ поэзіи Пушкина свободное выраженіе своихъ думъ, чаяній и упованій и на ней воспитываемый и ею вдохновляемый, будетъ въ надеждѣ славы и добра глядѣть впередъ и идти на встрѣчу будущему во исполненіе своего историческаго призванія....» *).

Слава тебѣ, великій Пушкинъ! Слава тебѣ, какъ поэту, слава, какъ патріоту, слава, какъ пророку (вѣдь ты предсказалъ намъ освобожденіе отъ крѣпостнаго права), слава, какъ вдохновителю нашихъ композиторовъ, слава, какъ простому, доброму, правдивому человѣку.

Слава тебѣ, и вѣчная память, и успокоеніе со святыми!

*) См. «Идеалы Пушкина» Никольскаго, стр. 93 и 94.

ДВГНБ

ЭР03255

ДВГНБ

ЭР03255